

Ц. Б. Цыдендамбаев

ИЗУЧЕНИЕ ОНОМАСТИКИ БУРЯТИИ И ИСТОРИЧЕСКИ
СВЯЗАННЫХ С НЕЙ РЕГИОНОВ - ОДНА ИЗ АКТУАЛЬНЫХ
ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО БУРЯТОВЕДЕНИЯ

За последние десятилетия во многих странах, в том числе и в Советском Союзе, интенсивное развитие получило исследование собственных имен. По вопросам ономастики публикуются не только отдельные статьи, сборники статей, но и специальные словари, журналы и монографии; проводятся локальные совещания, национальные конференции и международные конгрессы, материалы которых также печатаются. Короче говоря, уже накопилась большая литература по ономастике самых различных стран мира.

Языковеды Бурятии, принимая меры к преодолению отставания от общего уровня развития этой молодой отрасли науки, также занялись изучением своих местных собственных имен.

Было бы однако опрометчиво умалять хотя и скромные, но все же наметившиеся у бурятоведов сдвиги прежде всего по изучению топонимов. Имеются в виду такие работы, как статьи лингвиста и археолога Э.Р.Рыгдылона, появившиеся в печати в 50-х годах и посвященные разбору отдельных бурятских

топонимов¹; книги и статьи географа М.Н.Мельхеева о географических названиях Бурятии, Иркутской и Читинской областей, изданные в 60-х годах², в которых автор рассматривает пути формирования в прошлом и создавшуюся ныне систему местной топонимии, дает этимологию многих названий топонимических объектов; статьи географа Б.В.Башкуева, опубликованные в 60-х годах и трактующие эвенкийское и бурятское происхождение большинства топонимов Бурятии³; статьи других авторов, появившиеся в последнее время.

Из упомянутых работ, на наш взгляд, заслуживает специального внимания монография М.Н.Мельхеева "Топонимика Бурятии". В ней М.Н.Мельхеев пред-

¹ См.: Э.Р.Рыгдылонов. О названиях "Байкал" и "Ангара". - "Изв.АН СССР, серия геогр." М., 1953, №5, с. 75-78; е г о ж е. Топонимические этюды. - "Зап. БМНИИ", вып. XX. Улан-Удэ, 1955, с. 155-162; е г о ж е. Топонимические этюды. - "Зап. БМНИИ", вып. XXII. Улан-Удэ, 1956, с. 89-96.

² М.Н.Мельхеев. Географические имена. Топонимический словарь. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1961; е г о ж е. О топонимике побережья озера Байкала. - "Краткие сообщ. о науч.-исслед. работах Иркутского ун-та". Иркутск, 1962; е г о ж е. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; е г о ж е. Материалы по вопросу о названии "Байкал". - "Краткие науч. сообщ. Иркутского ун-та". Иркутск, 1964; е г о ж е. Географические названия Восточной Сибири, Иркутской и Читинской областей. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; е г о ж е. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1969.

³ Б.В.Башкуев. О географических названиях Предбайкалья и Забайкалья. - "Изв. Всесоюз. геогр. о-ва", т.97, вып.4. Л., 1965, с. 346-352; е г о ж е. Система географических названий. - В кн.: Предбайкалье и Забайкалье. М., "Наука", 1965, с. 17-19.

принял трудный, но крайне важный шаг по возможному выявлению языковой принадлежности многочисленных и вместе с тем запутанных неоднократно лингвистическими наслоениями топонимов нашего обширного края.

Опираясь на труды языковедов А.П.Дульзона, Г.М.Василевич, историков А.П.Окладникова, Г.Н.Румянцева, географа Э.М.Мурзаева и других ученых, занимавшихся вопросами топонимики, М.Н.Мельхеев выделяет в качестве примеров, употребительных среди топонимов этнографической Бурятии, более трех десятков кетоязычных названий¹, около пяти десятков самодийских², более ста эвенкийских³, более семи десятков тюркоязычных⁴, около трех десятков названий с ираноязычными субстратными элементами⁵.

Мы не случайно обращаем внимание именно на эти, то есть кетские, самодийские и эвенкийские, ирано-персидские и тюркские по своему происхождению географические названия. На нашей территории это самые древние топонимы, относящиеся главным образом к гидронимам и оронимам.

Но возникает вопрос: когда были созданы топонимические названия на этих языках, обнаруживаемые ныне в окрестности Байкала? Проф. М.Н. Мельхеев осмотрительно ограничивается двумя датами, считая что тунгусоязычная топонимия Прибайкалья берет свое начало с эпохи так называемой глазковской культуры, датируемой акад. А.П.Окладниковым около

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии, с. 32-33.

² См.: т а м ж е, с. 34-36.

³ См.: т а м ж е, с. 28-32.

⁴ См.: т а м ж е, с. 37-39.

⁵ См.: т а м ж е, с. 41-42.

1700—1300 гг. до н.э.¹. Говоря же о тюркоязычном пласте топонимии этнографической Бурятии, М.Н.Мельхеёв ссылается на времена орхонских надписей (УІ—УШ вв.) и на период обитания курыканов в Прибайкалье (УШ—ХІ вв.)².

Что касается кетоязычных и самоедоязычных названий, то они М.Н.Мельхеевым оставлены без датировки, а ираноязычные субстраты относятся ко времени согдийских колонистов, живших, по утверждению акад. А.П.Окладникова, на Унге в эпоху орхонских тюрков и Уйгурского каганата³.

Так, например, Г.Н.Румянцевым было замечено, что в самодийских языках нохо означает 'песец', сунэгэн — 'собака', тьона — 'волк', хорра — 'олень', а в монгольских, в том числе бурятском, нохой — 'собака', үнэгэн — 'лисица', чоно (бур. шоно) — 'волк', оро(н) — 'олень' (последнее употребительно также в эвенкийском языке). Но в самодийских и монгольских языках нет ни прямого, ни косвенного соответствия в животноводческих терминах, тогда как названия многих домашних животных корреспондируются в монгольских, тюркских и отчасти тунгусо-маньчжурских языках.

По мнению Г.Н.Румянцева, приведенные им факты свидетельствуют о контактировании в окрестностях Байкала самодийцев, протобурят и эвенков в

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии, с. 28.

² См.: т а м ж е, с. 37.

³ См.: т а м ж е, с. 42.

доскотоводческий период их жизни, то есть приблизительно во II тысячелетии до н.э.¹.

Говоря о доскотоводческом (или охотничьем) периоде истории прибайкальцев, Г.Н.Румянцев выдвигает на первый план самодийцев, считая их, должно быть, наиболее древними обитателями края. Такое предположение, как нам кажется, вполне согласуется с тем, что многие топонимы Прибайкалья, ныне относимые к эвенкийским, в своем прошлом представляются самодийскими. Во всяком случае, В.Б.Шостакович находил, что 60 процентов прибайкальских топонимических названий по своему происхождению являются самодийскими².

Но кеты, также оставившие свои следы на прибайкальской земле, контактировали с монголоязычными племенами, судя опять-таки по косвенным языковым данным, в еще более ранние времена.

Дело в том, что если Г.Н.Румянцеву удалось заметить отдельные лексические параллели в названиях зверей в самодийских и монгольских языках, то нам не раз приходилось с удивлением подмечать, что целый ряд элементов структуры кетского языка, описываемого в лингвистической литературе и прежде всего в работах А.П.Дульзона, имеет сходство с соответствующими элементами монгольского и в особенности бурятского языков.

В связи с тем, что проводимое наблюдение не

¹ См.: Г.Н.Румянцев. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят. М., Изд-во вост. лит., 1960, с. 4-7.

² См.: В.Б.Шостакович. Историко-этнографическое название рек Сибири. - В кн.: Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926.

доведено до конца, сошлемся лишь на некоторые разрозненные факты. Так, в частности сонорные согласные в кетском языке во многом ведут себя так же, как и в монгольских: звуки *p* и *l* почти не употребляются в начале слова, *m* чередуется с *b*¹. Шумные палатализованные *t'*, *s'*, *ш'* могут употребляться один вместо другого², как это имеет место в западно-бурятских говорах: тамт'и // тамс'и // тамш'и — 'табак'.

В кетском языке бытует формант множественного числа *n* (или *нг*)³, который изредка встречается и в бурятском языке. От имен существительных образуются прилагательные посредством суффикса *-ту*⁴, который по существу материально совпадает с бурятским суффиксом *-та* (*-тэ*, *-то*), образующим на основе существительных имена прилагательные со значением обладания.

В кетском языке местоимение *бин* // *б'ин* // *биеь*, означающее 'сам'⁵, весьма напоминает бурятское *бие* ('тело'; 'особа'), приобретающее в косвенных падежах также местоименное значение 'сам, себя'. Можно привести и некоторые другие кетские слова, сходные или напоминающие по своему корню монгольские, в том числе и бурятские, лексические соответствия. Но для кетского и монголо-бурятского языков характерно не столько материальное, сколько структурно-строевое

¹ См.: А. П. Д у л ь з о н. Кетский язык. Томск, изд. Томского ун-та, 1968, с. 37-39.

² См.: т а м ж е, с. 44-45.

³ См.: т а м ж е, с. 68 и 109.

⁴ См.: т а м ж е, с. 94.

⁵ См.: т а м ж е, с. 114.

сходство отдельных их микросистем.

Думается, что такое сходство свидетельствует об одном общем весьма раннем источнике, разнесенном, если можно так выразиться, ветром истории в разные стороны и потому давшем ростки в отдаленных друг от друга местах.

Таким образом, наиболее древние географические названия окрестностей Байкала и некоторые другие языковые данные дают известное основание утверждать о контактировании протобурят не только с эвенками и тюрками, что не вызывает сомнения, но и с кетами, самодийцами и персами. Вместе с тем нельзя не заметить, что языковая принадлежность наших наиболее древних топонимов, приписываемых на данном этапе названным здесь народностям, подлежит более обоснованному и уточненному анализу.

Более того, нуждается в объяснении даже своя монголоязычная топонимия. Дело в том, что более значительные или давно известные географические названия Бурятии обычно ищутся на монгольском лад: река Селенга (ср. бур. хэлэнгэ), хребет Улан-Бургасы (ср. бур. Улаан бургаан), местности Челутай (ср. бур. Шулуута), Бильчир (ср. бур. Бэлшэр), Загустай (ср. бур. Загачата) и т.п., тогда как они, если исходить из современных их бурятских звучаний, должны были бы оформляться в виде Хэлэнгэ, Улан-Бургаган, Шулута, Бильшир, Загагата.

Для того, чтобы понять, чем вызвана монголизированная передача на русском языке многих топонимов Бурятии, необходимо мысленно перенестись к тем временам, когда географические названия Бурятии начали употребляться на русском языке. В ХУП, ХУШ и XIX вв. сначала русские военные власти, а затем представители русской администрации имели контакт

с предводителями бурятских родов и через них усваивали топонимию края. Надо полагать, что некоторые бурятские князья или отдельные лица из числа их окружения являлись тогда грамотными людьми. А в те времена, как известно, официальным литературным языком у бурят был монгольский письменный язык. Вот почему более ранние географические названия Бурятии должны были войти и вошли в русский язык в монгольском написании и звучании.

Иначе обстоит дело в XX в., особенно в советское время: в связи с укреплением позиций самого бурятского языка на картах Бурятии появились такие написания, как Шулута (могло быть Челутай), Жипхеген (ср. Жипкесен), Худан (ср. Кудун), Харагун (могло быть Харасун), Байса (ср. Байца) и другие.

Далее хотелось бы обратить внимание на необходимость изучения собственно бурятских географических названий, в особенности тех, которые не находят отражения при передаче обозначаемых ими объектов в русском языке и которые условно могут быть подразделены на три группы.

Одни из бурятских топонимов переводятся на русский язык, поэтому они обычно остаются вне поля зрения. К ним относятся, например: Галуута нуур — Гусиное озеро, Охин булаг — Окино-ключи, Баргажанай адаг — Усть-Баргузин, Нарьата нуур (или просто Нарьата) — Сосновоозерск и т.п.

Другие бурятские топонимы не совпадают со своими соответствиями в русском языке и именуют географические объекты по-своему: уст. Хул нуур (досл. озеро Куль) — Гусиное озеро, Доодо Онгостой (досл. Нижний перевоз) — Нижняя Березовка, Дээдэ Онгостой (досл. Верхний перевоз) — Верхняя Березовка, разг. Удын байшан (досл. город на Уде) —

Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), Тэнгэри болдог (досл. Небесная [должно быть, в значении "высокая"] кочка) - Карабаиновка (в Хоринском аймаке), Хахир (Скудная [растительностью местность]) - Тарбагатай (в Хоринском аймаке), Хэлтэгиш пошоолхо (досл. поселок Кривого мыса) - Иннокентьевка (в Кижингинском аймаке), Хутэл нуур (досл. озеро на косогоре) - Онинборск (в Хоринском аймаке), Харха (если это бурятское слово, то означает 'крот') - Погромное (в Еравнинском аймаке) и т.д.

Третьи бурятские топонимы вовсе не имеют соответствий в географических обозначениях на русском языке: Хойто Хори (досл. Северная Хора) - территория восточнее Улан-Удэ вплоть до Читы, занимаемая хоринскими бурятами; Урда Хори (досл. Южная Хора) - территория южнее Читы, занимаемая хоринскими бурятами, то есть в основном места расселения агинских бурят; Баруун Хори (досл. Западная Хора) - территория по Тугную (Мухоршибири) и Бичуре, занимаемая хоринскими бурятами; Баруун найман (досл. Западная восьмерка) - территория от Тамчи и далее до Закамны, занимаемая селенгинскими бурятами.

Кроме того, надо отметить, что в новейшее время преимущественно бывшие и лишь изредка сохранившиеся без изменений названия колхозов стали восприниматься как наименования населенных пунктов: "Карл Маркс" в Баргузинском аймаке - официальное название села Баян-Гол, "Сталин" в Селенгинском аймаке - село Загустай, "Жданов" в Хоринском аймаке - станок Анинский, "Молотов" в Кижингинском аймаке - местность Моксохон и т.д. Названия, подобные приведенным, употребительны в обиходе, лишь отдельные из них получили признание. Так, например, бывший станок Кульский в Хоринском аймаке ныне

именуется Улан-Одон (досл. Красная Звезда), что в прошлом являлось названием колхоза.

Топонимы, употребительные в разговорном бурятском языке, но не имеющие официального закрепления, довольно быстро забываются. Между тем, их регистрация могла бы принести известную пользу в исследовании истории развития и сложения системы топонимов Бурятии.

Переходя к антропонимам, следует признать, что они изучены значительно меньше, чем топонимы, и только в наши дни к ним стало проявляться заметное внимание со стороны исследователей.

Имеющийся материал позволяет не только удовлетворительно разобраться с современным составом личных имен у бурят, но и в определенной мере уловить характерные особенности бурятских антропонимов за сотни лет в прошлом. В этом отношении наиболее ценными представляются генеалогии бурят, исторические предания, легенды и другие фольклорные тексты, содержащие антропонимические данные, имена бурятских князей из русских исторических документов.

Известный персидский историк XIV в. Рашид-аддин, повествуя о монголах тюркского происхождения, пишет, что человека из племени тутукулуйт, "если он будет мужчина, его называют - тутукулитай, если он будет женского пола - тутукуличин. [Происходящие] из [племени] алчи-татар [называются] алчитай и алчин; из племени куин-татар - куитай и куичин, [из] племени терат - терати и тераучин"¹.

Это весьма интересное свидетельство Рашид-ад-

¹ Рашид-аддин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 103.

дина вполне подтверждается именами легендарного прародителя хорибурят и его жены. Как известно, в "Секретной истории" монголов указывается, что главу хори-туматов называли Хорилартай-мыргеном, а его жену — Баргучжин-гоа¹. Думается, что так именовали их турки, которым подчинялись хоринцы в период их господства в Центральной Азии и Южной Сибири. Во всяком случае, окончание мужского имени -тай (-tæ), приведенное Рашид-ад-дином, близко напоминает турецкий суффикс местного падежа -ta// -tæ.

Судя по летописям хорибурят, они сами называли своего праотца Хоридаем. Это имя, как нам кажется, разложимо на корень хори, представляющий название племени, и суффикс родительного (точнее притяжательного) падежа -ай.

Такой лингвистический анализ, разумеется, не может осознаваться самими носителями языка. Тем не менее они, ставя имя Хоридай в ряд таких антропонимов, как Баргудай (от этнонима баргу), Сагаздай (от прилагательного сагаан 'белый'), Улаздай (от прилагательного улаан 'красный'), Хулдай (от прилагательного хула 'саврасый') и т.п., могут заключить, что оно, это имя, образовано на базе племенного названия хори при помощи окончания -дай.

И в самом деле, в бурятском языке существует уменьшительно-ласкательный суффикс -дай (-дэй, -дой), посредством которого создаются имена существительные: уст. диал. хор. даадай 'старший брат' (от дая 'большой'), дуудэй 'братишка' (от дуу 'младший'), маадай 'бляшка', 'блеющая' — об овце (от маа — звукоподражание блянию овцы), меедэй — досл.

¹ См.: С.А.Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 79.

мычащая - о корове (от мее - звукоподражание мычанию рогатого скота) и т.д.

Суффикс -дай (-дэй, -дой) и его фонетический вариант -тай (-тэй, -той) использовались и для образования личных имен. Эту же функцию выполняли уменьшительно-ласкательные суффиксы -лдай (-лдэй, -лдой) и -хан (-хэн, -хон). Достаточно сказать, что в первых рядах имен в родословных таблицах хоринских бурят встречаются Набадай, Шихадай, Мардай, Долоодой; Шаралдай, Боролдой; Баряяхан, Хамархан и т.п. Из широко известных фольклорных персонажей можно напомнить такие имена, как Сагаадай мэргэн, Ногоодой дуухэй, Гургалдайн гурбан сэсэн; из числа эпонимов исторических легенд - Асуйхан одигон и Хусуйхан одигон.

Наконец, сошлемся на личные имена, известные из русских исторических документов, относящиеся к ХУП в.: Саадай - бурятский князец, давший ясак П. Бекетову в 1628 г. под Братским порогом, Уныгидей - один из "непослушных" бурятских князцов ХУП в.; Бачигалдай, который от имени ясачных улусов Удинского острожка жаловался на икинатского князца Баахая; Бугулдайко - сын князца Кодогуня, захваченный красноярцами как ясырь; Баяракан - один из князцов, давших ясак П. Бекетову в 1628 г.; Баракан - князец, велевший побивать служилых людей^I и т.д.

Если Рашид-ад-дин писал об общеплеменных именах мужчин на -тай и женщин на -чин, основываясь на

^I Бурятские личные имена, приводимые здесь и далее, встречаются во многих работах по истории. Нами они взяты из кн.: А.П.О к л а д н и к о в. Очерки из истории западных бурят-монголов (ХУП-ХУШ вв.). Л., Соцэкгиз, 1937, с. 35, 68, 94, 57, 36, 68.

данных, должно быть, XIII-XIV вв., то приведенные нами примеры, пусть немногочисленные и отрывочные, но взятые из наиболее достоверных источников последующего периода, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в XVI-XVII вв. были довольно употребительными личные имена в собственном смысле слова, моделированные посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов. Более того, как явствует из материалов, в XVII в. наряду с суффиксальными не менее распространенными были как однокорневые, так и составные антропонимы.

Часть однокоренных имен носит характер прозвищ, например, Манка - жена племянника князца Кодогона от манха - досл. 'одутловатая', 'опухшая', ср. манхагар с таким же значением, Мухор - сын князца Баяракана от мухар - досл. 'комолый', 'куцый', Тутчик^I от тучэг // тушэг - досл. 'опора'.

В числе однокорневых встречаются антропонимы, образованные: а) от названий животных: Ботак - князец бурят, кочевавших по Осинскому острову в начале 50-х гг. XVII в. (должно быть, от ботго // ботог - 'верблюжонок'); Бодон - один из булагатских князцов, приведенных к шерти Д.Фирсовым в 1654 г. (от бодон 'дикий кабан'); Уенка - Бугданиева жена, захваченная красноярцами как ясырь (от уен 'горностаи'. К этому апеллятиву, видимо, прибавлен русский суффикс -ка, который здесь в расчет не берется, и имя не считается гибридно-суффиксальным, так как эту женщину в середине XVII в. могли прозвать Уенкой в русской среде, куда она попала в ясыри, а не в бурятской, почти неизвестной с русским языком);

^I См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 62, 77, 88.

б) от названий растительного мира: Долон Неодяев (от дослон 'весенний сок у деревьев'; 'луб', 'лубок'. Если не обходить молчанием странную фамилию этого Долона, то думается, что она восходит к почти однозвучному с русским словом "негодяй" бурятскому охранному имени Нюндай (досл. 'сопляк'); Будаи — булагатский князец, в начале 50-х гг. ХУП в. угрожавший от имени 17 родов бегством, если не прекратятся грабежи¹ (от будай // будаа 'просо').

В однокорневых именах имеют место единичные антропонимы с защитительно-охранной и благопожелательной семантикой: Лалаг — один из булагатских князцов, приведенных к шерти Д.Фирсовым в 1654 г. (от лалаг 'пропитанный жижей', 'навсквозь запачканный'), Инкей — князец Муруева улуса (от энгэй 'обыкновенный', 'заурядный'), Кутухта — мужик, который пожелал "креститца" и сообщил о намерении бурят сечь Братский острог — ориентировочно в 1650 г.² (от хутагта 'святой').

Составные личные имена в численном отношении мало уступают бессуффиксально-однокорневым именам. К ним относятся антропонимы, состоящие из двух сросшихся частей, именуемой и характеризующей социальное положение носителя имени при помощи термина родства или служебного титула.

Так, например, ряд имен имеет при себе пост-позитивный детерминатив ку или ке (в русской передаче ко), вероятно, со значением 'отрок, молодой человек': Бугулдайко — сын князца Кодогуня, захваченный красноярцами как ясырь (предположительно от

¹ См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 95, 90, 57, 88, 96.

² См.: там же, с. 90, 87.

Бугудай + ку или же 'отрок'), Саганко -сын князца Тоготохи, убитый служилыми людьми (от сагаан 'белый' + ку), Салмачко - братский мужик, который в 1633-1634 гг. провел служилых людей до Падунского острога¹ (от Саалмача или Саалмаша + ку).

Несколько антропонимов состоит из имени-апеллятива и постпозитива **ахай**, представляющего почтительное обращение к старшему. Именно такой состав имеет прежде всего имя широко известного в исторической литературе о бурятах Турукай-табуна, которого первым из русских встретил Иван Похабов в 1647 г. (от туруу 'глава', 'предводитель' + ахай 'старший', 'уважаемый')². К числу этих же имен относятся: Баахай - князец игнацкого улуса, ходивший войной на другие улусы, в частности, в начале 50-х гг. ХУП в. (от баа 'младший' + ахай); Баракай - один из князцов, плавивших ясак в 1628-1629 гг.³ (от Бар - досл. 'барс' + ахай).

Также несколько антропонимов образовано от имени, иногда даваемого в сокращенном виде, и маньчжуро-монгольского графского титула **гун**: Когун - братский князец, приехавший с Байкала-озера (Хоо-, по-видимому, первый слог его имени + титул гун, который в разговорном языке произносится с долгой: - гуун); Кодогунь или Котогун - один из князцов, давших ясак П.Бекетову в 1628 г. (от хото 'стойбище' + гун); Кожгун - князец, брат Кодогуна⁴

¹ См.: А.П.О к л а д н и к о в. Указ. соч., с. 57, 92, 69.

² Более подробно см.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, Бур.кн.изд-во, 1972, с.244-245.

³ См.: А.П.О к л а д н и к о в. Указ. соч., с. 85, 93-94.

⁴ См.: т а м ж е, с. 68, 54, 68, 60.

(от Хож- — начальный слог имени + гун).

Таковы некоторые сведения о бурятских личных именах ХУП в. Поскольку мы пытались представить их в сгруппированном по составу и значению виде, остались не охваченными отдельные единичные антропони-мы. Довольно значительное количество имен, не поддающихся пока расшифровке, понятно, также оставле-ны без рассмотрения.

Принадлежность описываемых здесь личных имен ХУП в. к бурятам, точнее к бурятским князям, не вызвала никаких сомнений у историков. Но своеобра-зие в оформлении некоторых из этих имен заставляет задумываться об их носителях.

При этом принимается во внимание возможность произношения бурятских слов на эвенкийский лад. Так, например, написание Бачагалдай вместо допус-тимого Бацагалдай, вероятно, обусловлено отсутстви-ем ц в языке эвенков, нередко служивших в ХУП в. проводниками и переводчиками у русских; написание Тутчик вместо ожидавшегося Тушик, видимо, связано с частой употребительностью в эвенкийском языке звука ч и, напротив, с факультативностью ш.

Из наших примеров монголизированный вид имеет имя Ботак в случае, если оно правильно ассоцииру-ется с апеллятивом ботог 'верблюжонок'. Но зато на-ми усматривается чуждая для бурят маньчжуро-мон-гольская манера употребления первого слога имени и, тем более, ношения графского титула гунь, когда антропони-мы Когун, Кодогунь (или Котогун) и Кожгун выводятся из Хоо-гун, Хото-гун и Хож-гун.

Если указанное чтение последних имен соответ-ствует действительности, то чем объяснить наличие этих монголизмов (точнее даже маньчжуро-монголиз-мов) в числе имен бурятских князцов?

Явная "омонголенность" некоторых бурятских антропонимов ХУП в. могла быть вызвана тем, что либо бурятские князцы тогда стремились олитературивать свои имена, так как в то время монгольский письменный язык признавался своим и для бурят, либо, пользуясь разрозненностью бурятских племен и родов, предводителями отдельных групп бурят становились монгольские князьки, быть может, имевшие при себе небольшие военные дружины.

Правда, буряты ХУП в. могли хорошо знать монгольский язык, вернее говоря, они, особенно верхушечные слои тогдашнего бурятского общества, наверняка были двуязычными. Рассуждая так, имеется в виду, что основа разговорного бурятского языка была заложена гораздо раньше.

Подтверждением сказанному служат некоторые антропонимы с явно бурятской огласовкой, встречающиеся в числе разбираемых имен: Негутай (ср. совр. бур. нкхятай 'сопливый') — один из князцов, к которым стрелецкий пятидесятник В.Чермеников в 1633—1634 гг. посылал сборщиков ясака; Босухогон^I (ср. совр. бур. бодхоон 'увезенный украдкой'). Из этих примеров следует, что такой своеобразный звук бурятского языка, как фарингальный **н**, был употребителен и в личных именах ХУП в.

Не имея возможности затрагивать вопрос о бурятских фамилиях в более широком объеме, хотелось бы обратить внимание лишь на суффиксы, образующие оригинально-бурятские фамилии.

Под влиянием русских буряты давно стали пользоваться именем своего отца как фамилией, прибавляя к нему окончание родительного падежа, если фа-

^I См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 69.

милия писалась по-старомонгольски, или русские фамилиеобразующие суффиксы, если она писалась по-русски. В конце 10-х - начале 20-х годов XX в. в Восточной Бурятии, в первую очередь в Аге, стали на русском языке употреблять бурятские формы фамилий: Жабэ, Жамцарано, Сампилон, Гомбоин и другие. Со временем эти фамилии получили официальное закрепление как на русском, так и на бурятском языке.

Буряты пользовались монгольским письменным языком, как своим литературным, до 30-х годов нашего века. Поэтому вполне понятно, что в качестве оформителей бурятских фамилий были использованы суффиксы родительного падежа этого языка, но несколько в деформированном, может, лучше сказать, облагзвученном виде:

1) -о (восходит к $\text{ᠪᠢᠨ} // \text{-ᠤ}$): Жамцарано (< ᠵᠢᠮᠴᠢᠷᠠᠨᠤ / ᠤ jimcaran-ū), Балдано (< ᠪᠠᠯᠳᠠᠨᠤ / ᠤ baldan-ū), Цыдено (< ᠴᠢᠨᠳᠡᠨᠤ / ᠤ ceden-ū), Ринчино (< ᠷᠢᠨᠴᠢᠨᠤ / ᠤ rinčin-ū) и др.;

2) -он (восходит к $\text{ᠤᠨ} // \text{-ᠤᠨ}$): Дампилон (< ᠳᠠᠮᠫᠢᠯᠠᠨᠤ / ᠤᠨ dampil-ūn), Донгидон (< ᠳᠣᠩᠭᠢᠳᠣᠨᠤ / ᠤᠨ donggid-ūn), Дугарон (< ᠳᠤᠭᠠᠷᠠᠨᠤ / ᠤᠨ duḡar-ūn), Чимидон (< ᠴᠢᠮᠢᠳᠣᠨᠤ / ᠤᠨ čimed-ūn) и т.п. О том, что фамилиеобразующий суффикс -он берет свое начало от старомонгольских $\text{-ᠤᠨ} // \text{-ᠤᠨ}$, свидетельствует имевшее место употребление таких фамилий, как Дугарон и изредка Дугарун, Чимидон и реже Чимидун;

3) -ин (восходит к $\text{ᠶᠢᠨ} // \text{-ᠶᠢᠨ}$): Дабаин (< ᠳᠠᠪᠠᠶᠢᠨᠤ / ᠶᠢᠨ daba-yin), Батоин (< ᠪᠠᠲᠤᠨᠤ / ᠶᠢᠨ batu-yin), Гомбоин (< ᠭᠣᠮᠪᠤᠶᠢᠨᠤ / ᠶᠢᠨ ḡombu-yin), Ракшаин (< ᠷᠠᠭᠶᠶᠠᠶᠢᠨᠤ / ᠶᠢᠨ raḡᠶa-yin) и другие. При употреблении на русском языке бурятских фамилий с этим аффиксом наблюдается тенденция перехода ударения с окончания на основу слова. В этом отношении весьма

характерной является фамилия известного языковеда Б.Б.Барадица, которая вначале писалась как Барадийн (по-видимому, должна произноситься как Барадийн), а потом стала писаться и произноситься как Барáдин. Идентичную же огласовку имеют фамилии Мункин (а не Мункоин), Ардин (а не Ардийн), Доржин (а не Доржийн), Хилтүхин (а не Хилтухийн), Санжин (а не Санжийн), Шагжин (а не Шагжийн). Колеблется произношение фамилий Линховоин//Линховойн, Ракшайн//Ракшайн.

Однако приведенными тремя суффиксами не ограничивается фамилиеобразующий инвентарь бурятского языка. В нем имеется четвертый суффикс, который взят из арсенала самого разговорного бурятского языка, но опять-таки в измененном, как бы условном виде.

Если окончание родительного падежа имени в бурятском языке имеет, по крайней мере, три сингармонических варианта -ай (-эй, -ой), то создатели оригинально-бурятских фамилий, оттолкнувшись от разговорного стиля произношения этих окончаний в виде -ээ (-ээ, -оэ), выработали внесингармоничный монофтонгоид -э: Жабэ (но не Жабай), Хадаханэ (а не Хадаханай), Дашидондобэ (а не Дашидондобой), Ринчинэ (а не Ринчинэй) и т.п. Только в единичных случаях встречаются фамилии в форме традиционных сингармоничных написаний: Батожабай (а не Батожабэ), Дондогой (а не Дондогэ) и другие.

Наконец, насколько нам известно, есть одна единственная фамилия, образованная при помощи западнобурятского диалектного окончания родительного падежа -и. Эту фамилию носит кандидат искусствоведения А.В.Тумяхани (Тумаахан + -и).

Таков перечень оригинально-бурятских фамилие-

образующих моделей.

Итак, рассмотрение даже в такой степени некоторых вопросов изучения наших топонимов и антропонимов прошлого и настоящего помогает выявить много еще малоизведанных и, вместе с тем, интересных аспектов, требующих дальнейшего, более детального и специального рассмотрения.
